

О.Н. АСТАФЬЕВА

КОЛЛЕКТИВНАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ В УСЛОВИЯХ ГЛОБАЛЬНЫХ ИЗМЕНЕНИЙ: ДИНАМИКА УСТОЙЧИВОГО И УКОРЕНЕНИЕ СТАНОВЯЩЕГОСЯ

***Аннотация:** Подчеркивая историчность коллективных идентичностей, автор останавливается на проблеме постоянно искомого равновесия между самоорганизационными процессами становления и конструированием коллективной идентичности. Динамика идей мультикультурализма и появление новых идентификационных моделей выступает формой противостояния глобализационному давлению на социокультурную сферу. Осознание потребности в формировании культурных ландшафтов и ценностно-смысловых пространств, соразмерных сложностному миру, инициирует поиск альтернативных стратегий культурной политики как механизма снижения риска утраты этнокультурной самобытности и преодоления кризиса коллективной идентичности в контексте современных социокультурных изменений.*

***Abstract:** Stressing the historicity of collective identities, the author dwells on the constantly sought-for balance between the self-organizing processes of becoming and the constructing of collective identities. The dynamics of multicultural ideas and the emergence of new identificational models acts as a form of resistance to the globalizing pressure on the socio-cultural realm. The growing awareness of the need to shape the cultural landscapes and value and meaning spaces congruent to the complex world, initiates the quest for alternative strategies of cultural politics as a mechanism of the risk reduction of the ethnic-cultural identity loss and overcoming of the crisis of collective identity in the context of contemporary socio-cultural changes.*

***Ключевые слова:** Коллективная идентичность, национально-культурная идентичность, динамика идей мультикультурализма, культурная политика.*

Астафьева Ольга Николаевна – доктор философских наук, профессор, заместитель заведующего кафедрой культурологии и деловых коммуникаций Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, заведующая сектором Российского института культурологи (Москва). E-mail: onastafieva@mail.ru.

Keywords: *Collective identity, ethnic-cultural identity, the dynamics of multicultural ideas, cultural politics.*

Коллективная идентичность и ее «границы»

Очевидность взаимосвязи между изменениями социокультурной среды и процессами идентификации предполагает междисциплинарные курсы исследования, позволяющие выявить «вызовы» современной культуры и, что самое существенное, на наш взгляд, проанализировать современные идентификационные модели, являющиеся «ответом» на них. В предыдущих работах нами дано определение базового понятия коллективной идентичности как результата массового (группового) осознания тождества и различий с людьми, включенными в другие общности; подчеркнуто, что это тождество проявляется в таких формах, как социальная, социокультурная, цивилизационная, этнокультурная, национальная, гражданская, профессиональная, и другие модификации коллективной идентичности. Предложенная типология коллективных идентичностей, несмотря на расхождения в выборе критериев, закладываемых в ее основание, в принципе охватывает все стороны существования человека в разномасштабных социальных группах и сообществах¹. В том же смысловом значении мы будем использовать сложившийся терминологический аппарат и в этой статье. На наш взгляд, интегративная сущность категории «коллективная идентичность» фиксирует «присущую человеку потребность ощущать себя частью более широкого множества и воспринимать такую принадлежность как ценность»², позволяя преодолеть частичность конкретизированных и закрепленных в разных вариантах принимаемых человеком персональных и коллективных идентичностей. Заметим, что для понятия «национально-культурная идентичность» как сложного типа коллективной идентичности, к которому мы будем обращаться в связи с анализом тенденций глобального масштаба, характерны амбивалентность и гетерогенность, что подчеркивает историчность процессов идентификации, поэтому наполнение его дополнительными характеристиками по ходу исследования неминуемо. Отдавая предпочтение понятию «национально-культурная идентичность», мы исходим из признания за его содержанием широкого обобщенного смысла, наделен-

¹ См.: *Астафьева О.Н.* Реструктуризация и демаркация коллективных идентичностей в условиях глобализации: будущее национально-культурной идентичности // Вопросы социальной теории. Научный альманах. 2010. Том IV. Человек в поисках идентичности / Под ред. *Ю.И. Резника и М.В. Глостановой.* М., 2010. С. 255-281.

² *Кнабе Г.С.* Жажда тождества: Культурно-антропологическая идентификация. Вчера. Сегодня. Завтра. М., 2003. С. 5.

ного интегративным потенциалом. Национально-культурная идентичность, питаемая внутренними токами культуры и конструируемая с использованием политических и идеологических механизмов, образует «культурную скрепу» проживающей на одной территории коллективной общности и подвержена серьезным изменениям. Однако именно культура, образующая ее сложное ядро, выступает мощным интегрирующим символическим (духовным) ресурсом, удерживающим тождество, несмотря на глубину происходящих трансформаций. Благодаря этому национально-культурная идентичность в отличие от гражданской идентичности (гражданской «принадлежности» конкретному государству) в большей степени является результатом согласования личностного выбора с ценностной составляющей культуры, в которой проживает человек.

Динамичность коллективных идентичностей, в том числе национально-культурной, отмечается многими исследователями — философами, осмысливающими имманентность противоречия человека и рода как недостижимого тождества; социологами, фиксирующими количественными методами уровни индивидуального и общественного осознания причастности людей к общей территории (государству, сообществу, группе); культурологами, анализирующими сложившиеся представления реальности как пространства, вбирающего культурное разнообразие, трудносопоставимые образы жизни, формы встроенности в социум и укоренности в бытии, способы самоактуализация человека в меняющемся мире. Несмотря на многообразие подходов и предлагаемых решений, в них в той или иной мере рассматривается проблема понимания целостности индивидуального и социального в конкретный исторический период, ставится вопрос о зыбкости границ между личностной и коллективной идентификацией. На это обращает внимание и М. Мерло-Понти, признающий, что «вокруг наших начинаний и этого строго индивидуального проекта, который составляет наше бытие, существует зона всеобщего существования уже готовых проектов, неких значений, которые витают между нами и вещами и которые определяют нас в качестве мужчины, буржуа или рабочего. Всеобщность вмешивается все время, она опосредует наше присутствие по отношению к самим себе; мы перестаем быть чистым сознанием, едва только природное или социальное положение вещей перестает быть чем-то неоформленным и складывается в ситуацию, едва только она обретает смысл, то есть в итоге, едва только мы начинаем существовать»³.

³ Мерло-Понти М. Феноменология восприятия / Пер. с фр. под ред. И.С. Вдовиной, С.П. Фокина. СПб., 1999. С. 567.

Это постоянно искомое равновесие между самоорганизационными процессами становления и конструированием коллективной идентичности как одна из сложнейших проблем для каждого человека и центральная в социально-гуманитарном знании может получить свое разрешение под разными углами зрения. Понятно, когда речь идет о поиске конкретных инструментов анализа, то и выбор исследуемых аспектов будет определяться исходной позицией относительно самой возможности достижения равновесия. Поэтому в нашем случае мы не беремся за решение этой ключевой проблемы, а ограничимся обозначением тенденций, проецируемых глобализацией на культурную сферу и проявляющихся в противостоянии давлению унификации через реализацию идей мультикультурализма. Их влияние на культурные политики разных стран еще не получило глубокого анализа; недооценена, на наш взгляд, и роль национальных государств как агентов и ведущих акторов, задающих рамки коллективной идентификационной модели «образцового» уровня, зафиксированной в ценностно ориентированных концепциях культурных политик разных стран.

В идеальном варианте модель коллективной идентичности выстраивается с учетом многообразия индивидуальных решений самоидентификации, которые оказываются встроенными в процесс конструирования коллективной идентичности. Поэтому сопричастность к другим уже учтена и не лишает человека возможности творческого проявления в социуме, создает интегративные импульсы для укрепления сообщества. Созданные им институты образуют регулируемую систему специализированной сферы культуры, поддерживающей эту модель, в то время как в повседневной культурной деятельности воздействие этих институтов снижается, поскольку освоение технологий и практик осуществляется людьми преимущественно в режиме самоорганизации и личного выбора. Однако зачастую в реальности модель коллективной идентичности выступает в виде «убедительной иллюзии», которая нуждается в инструментах поддержки и распространения, в изменении отношения к ней в массовом сознании. Это решается путем конструирования образов, символов и системы ценностей в медиапространстве; выражается в активизации деятельности культурно-досуговых организаций и учреждений, выступающих институциональными структурами, которые создают определенные культурные ландшафты и участвуют в процессе формирования ценностно-смысловых ориентаций человека в меняющемся мире. Только сам человек может принять или отрицать ту или иную коллективную идентичность.

В выборе коллективной идентичности, как процессе поиска ценностно-смысловых основ взаимодействия между социальными группами од-

ним из главных критериев выступает созвучность своей культуре, открывающейся навстречу культуре «Другого». В ситуации системного кризиса начала XXI в., когда утрачен ряд важнейших позиций, удерживающих позитивную социальную идентичность, которая обеспечивает личности защищенность и открывает перспективы социальной реализации, вопрос об осознании единства человеческого сообщества и целостности его культуры, сохранении преемственности, гармонизирующей отношения между поколениями, становится центральным. Более того, обновление информационно-коммуникативной среды и усложнение под влиянием глобализации мультикультурной и полиэтнической матрицы расшатывают также и другие типы коллективной идентичности, приводят к разрушению культурных кодов, смене установок, образов жизни, которыми длительное время определялись направления и особенности развития России.

Вывод 1. Социокультурные изменения выступают контекстом, влияющим на становление коллективной идентичности. Стрессы и ценностная девальвация, деструктивные социальные явления дестабилизируют и без того зыбкую толерантную среду, ставя под вопрос возможность защиты достоинства человека и его благополучие. Говорить о преодолении кризиса национально-культурной идентичности, препятствующего общественному развитию, преждевременно.

Глобализация как социокультурный контекст

Одним из мощнейших факторов, влияющих на динамику и характер социокультурных изменений, провоцирующих кризис идентичности, выступает глобализация с ее информационным ускорением и усложнением, разрастанием коммуникативных транстерриториальных и транскультурных связей. Обострение проблем безопасности, встающих перед всем человечеством (экологических, экстремистских, террористических и др.), вкупе с экономическими кризисами и усложнением политической ситуации в мире в целом, позволяет судить о современном этапе глобализации в терминах «переходности» — как о новой фазе развития человечества. Установление тренда на распространение демократии, рыночных принципов предпринимательства и жесткой конкуренции в разных странах мира — вот те внутренние составляющие интернационализации экономики, которая направлена на укрепление международного финансового оборота и мирового рынка труда, ориентацию на мировые цены. В русле этих изменений, соответственно, лежит поощрение распространения единых технологий и стандартов в разных областях человеческой деятельности; ими же провоцируется всплеск миграционных процессов, смена стилей и образов жизни и т.д.

Станет ли такой универсальный мир, где выбор приоритетов при принятии тех или иных решений происходит на глобальном уровне, лучшим миром, если человечество откажется согласовывать свои действия с моралью и этическими ценностями?⁴

В этом вопросе П. Сингера в полной мере отражается тревога за будущее человечества, ведь давление контекста глобализирующегося мира на коллективные идентичности и их испытание политическими дискурсами, идущими от наднациональных структур, связанных с неправительственными организациями, зависимость от международного общественного мнения, от транснациональных организаций и движений приводят к тому, что в разных странах мира при исчезновении традиционных границ в сфере информационного и культурного обмена образуется вакуум, молниеносно заполняющийся унифицированной массовой глобальной и транснациональной культурами. Зачастую их созвучность ценностям философии потребления оказывается весьма привлекательной для современной молодежи, что также приводит к деконструкции ядра коллективной идентичности и выступает новым вызовом национально-культурному единству страны.

О влиянии социальных и политических изменений на устойчивость идентичности говорят и другие исследователи⁵. В самых радикальных сценариях развития человечества глобальный рынок, информационное общество и культурные экспансии как стирающие все границы и различия предстают как способные полностью разрушить территориально привязанные сообщества и структуры власти. Однако такую точку зрения разделяют не все исследователи. Согласно Дж. Грею, — это своего рода «утопия»⁶. Преувеличены, на наш взгляд, также и опасения относительно полного уничтожения культурного разнообразия в мире глобальных торгово-экономических и коммуникационно-технологических сетей, поскольку параллельно идущие процессы расширения компетенций местных территорий, общественных групп и локальных культур удерживают сложнейшую конструкцию социокультурной реальности. Мы были бы наивными оптимистами, если бы полностью игнорировали опасения по внедрению сценариев конструирования новых коллективных идентичностей в России (как составляющей культурно-цивилизационной матрицы страны) в условиях, когда «часть населения эмоционально и

⁴ См.: *Singer P.* One World: The Ethics of Globalization. 2-nd Editon. Yale University Press, New Haven, 2004. P. 196-201.

⁵ См.: *Cultural theory: The Key Concepts / Ed. by A. Edgar and P. Sedgwick. L., N.-Y., 2003. P. 187.*

⁶ См.: *Gray J.* False Dawn: The Delusions of Global Capitalism. L., 1998. P. 68.

часто культурно отождествляет себя с Западом, в то время как основная масса населения находится в ином цивилизационном поле»⁷. По мнению А.И. Уткина, возможен один из двух вариантов: «либо западные ценности войдут в “генетический код” большинства населения, либо правящая элита сменит свою идентичность»⁸.

Существуют и иные модели выхода из кризиса идентичности, связанные с кардинальными изменениями к концу XX в. в системах коммуникаций, придавших контактам с представителями чужих культур и носителями других культурных ценностей динамичный характер и, как следствие, приведшие к включению элементов этих культур в структуры повседневности. Сегодня путь на согласование «своего» и «чужого», на межкультурный диалог объявлен альтернативной стратегией культурной политики, выведшей на повестку дня идею множественной (транскультурной) идентичности, что, на наш взгляд, выступает более гибкой идентификационной моделью по сравнению с «трансэтнизмом», принимающим то крайние формы космополитизма (нигилизм различий), то — гибридности (принятие и поглощение различий). Расхождения между «трансэтнизмом» и новыми формами космополитизма, такими как «деколониальный космополитизм», очевидны, поскольку последний, к примеру, произрастает из идеи «границ» — «мест, историй и людей, которые, не будучи христианами или светскими европейцами, не живя в определенной истории, были вынуждены иметь с ней дело»⁹. При всем многообразии вариантов (ассимиляции, адаптации и пр.) деколониальный космополитизм «живет на границах, в экстерииорности, в колониальном различии»¹⁰, связывая общность опытов людей и идентичностей в вектор плюверсальности как универсального проекта.

Такое решение — лишь одно из многих возможных в ситуации культурного плюрализма, которая приводит к все большему усложнению коллективных идентичностей, выводя на первый план ее «полилоговое ядро» — подвижное транскультурное образование¹¹, открытое для взаимодействия социальных моделей поведения, разного рода пересечений традиционных этнических и эстетических ценностей, инновационных культур-

⁷ Уткин А.И. Глобализация: процесс осмысления. М., 2001. С. 184.

⁸ Там же.

⁹ Миньоло В. Космополитический локализм и деколониальный выбор (часть 2): Пер. М.В. Глостановой // Личность. Культура. Общество. 2011. Т. XIII. Вып. 2 (63-64). С. 57.

¹⁰ Там же.

¹¹ См.: Глостанова М.В. Транскультурная и трансмодерная эстетика/эстетизм и освобождение знания и бытия (часть 1) // Личность. Культура. Общество. 2011. Т. XIII. Вып. 2 (63-64). С. 68-78.

ных кодов, сосуществования этнокультурных и национальных картин мира, глобальных и транснациональных маркеров. Согласование разбросанных пазлов в «читаемую» картинку, воспринимаемую как целостность, на личностном уровне является процессом в большей степени самоорганизации, в то время как коллективные идентичности в условиях культурного разнообразия являются результатом социального конструирования.

Анализ становления коллективной идентичности в ракурсе «переходности» современной культуры, сосуществования в едином пространстве разных типов культуры, поддерживаемых разными социокультурными группами, приводит к выводу о том, что современное поколение живет в ситуации социокультурных рисков, обусловленных распространением новых информационно-коммуникативных систем и технологий. В период «обостренной переходности» выявить какую-либо иерархию в системе ценностей, доминирующие предпочтения и интересы в обществе достаточно сложно — интегративные функции культуры ослаблены. Пазлы не прилаживаются друг к другу и не собираются в общую картинку. Эта «ценностно-смысловая неустойчивость» социума усиливает социокультурную дифференциацию и кризис идентичности, приводит к маргинализации, социокультурным деструкциям, аномии, активизации мифа и архетипов.

Политическая власть всегда проверяет культуры на прочность и при всей очевидности императива демократического пути развития в реальности имеют место и жесткие подходы, и ограничения в выборе собственной культуры. На наш взгляд, в этой связи требует переосмысления поставленная под сомнение европейскими политиками мультикультурная парадигма, выступающая в качестве той самой скрепы для динамичной коллективной идентичности в тех сообществах, чьи постоянно раздвигающиеся границы позволяют включаться в них все новым и новым представителям разных культур.

Воздействие глобализации как мощнейшей тенденции, распространяющейся по всему миру и изменяющей социально-культурный контекст, подталкивает правительственные и неправительственные организации разных стран к поиску альтернативных стратегий культурных политик как механизмов снижения риска утраты этнокультурной самобытности и национальной идентичности. В течение десятилетнего периода, прошедшего со времени активного обсуждения, а затем и принятия Всемирной декларации ЮНЕСКО о культурном разнообразии, изменилось понимание культурного плюрализма и отношение к концепции мультикультурализма, и этого уже нельзя не учитывать в современной культурной политике. Анализируя глобальный рост культуры в современных усло-

виях, некоторые исследователи фокусируют внимание, прежде всего, на таких позитивно оцениваемых ими тенденциях, как возрастание телевизионной аудитории и расширение культурного обмена между странами, подчеркивая при этом, что противоречия глобализации заключаются в одновременном проявлении культурного неравенства и распространении «культурного империализма», видя выход из сложившейся ситуации в отказе от линейного пути развития, в поддержке всех форм культурного разнообразия¹². Сегодня это уже проявляется в трансформациях социокультурной среды, усложнениях и диверсификации культурных практик и социальных моделей поведения людей в результате распространения идеи «многообразия в единстве», альтернативной процессам унификации и стандартизации, сопровождающим глобализацию. Отметим, что продолжающееся жесткое противопоставление этих разнонаправленных векторов развития усиливает напряженность в мире, а формирование оппозиционных линий и образа «врага» в массмедийных дискурсах поддерживает стратегию на расколование общих интересов. Однако в обществе активизируются поиски новых характеристик российской идентичности, способных интегрироваться с предшествующей идентификационной основой, нередко сопровождающихся националистическими и этноцентристскими проявлениями. Предложенная мировым сообществом модель культурного разнообразия и межкультурного диалога, придающая глобализационным тенденциям позитивную направленность, согласуется с ориентирами культурной политики России.

Глобальные изменения меняют тренды культурной политики, выдвигая на первый план сохранение этнокультурного многообразия как одного из важных факторов достижения устойчивого развития; актуализируя проблемы национальной (коллективной) культурной идентичности как условия социального единства; инициируя разработку теоретических моделей и практик, основанных на принципах толерантности; определяя критерии конструктивного межкультурного и межконфессионального диалога; осмысляя позитивный опыт преодоления социального и культурного неравенства, практик снижения давления ценностей эконоцентризма как пути к достижению баланса между личными и общественными интересами, основанного на ценностях культуроцентризма, справедливости и партнерства; формируя социальную среду взаимопомощи; включая практики добровольчества, волонтерства, благотворительности в культуру повседневности как отвечающие принципам гражданского общества и способствующие укреплению России как социального государства.

¹² См.: A Globalizing World? Culture, Economics, Politics / Ed. by D. Held. L., N.Y., 2004. P. 48-80.

Вывод 2. Несомненно, явление глобального детерминизма как особой формы политического давления, реакции на небывалые для всей истории человечества масштабы интеграции и связанные с ними перемещения людей, внедрение элементов международного права, норм поведения и стиля соответствуют модернизирующейся реальности. Однако необходимо понимать, что в условиях глобализации без выработки принципов признания множественности культур и религий, самооценности каждой из них, миру не удастся удержать состояние динамического равновесия как условия выживания человеческой цивилизации. Современное прочтение идей плюрализма позволяет развиваться культурному многообразию и диалогу культур и цивилизаций, а также использовать во взаимоотношениях культур и народов идею общественной солидарности, преодоления рассогласования общественного бытия.

Время антиманифеста мультикультурализма или конкуренции альтернативных моделей?

Новым испытанием для национально-культурной идентичности разных стран стал призыв западноевропейских лидеров вернуться к обсуждению идей мультикультурализма. Сегодня этой темой насыщен весь мировой политический и массмедийный дискурс: в то время как одни пытаются предать их полному забвению по причине несоответствия современной ситуации, другие призывают глубже разобраться в сути постулируемых мультикультурализмом теоретических конструкций и заново проанализировать уже сложившиеся в разных странах практики сосуществования людей в рамках единой территории — носителей разных культурных традиций и религиозных ценностей. Новый импульс политическим дебатам о европейской коллективной идентичности, которые базировались на принципах культурного плюрализма и сохранения этнокультурной самобытности в условиях единого культурного пространства¹³, придали социальные конфликты в разных странах, на наш взгляд, лишь подтвердившие, что мультикультурализм — это не только право на культурные ценности и традиции, это еще и ответственность за включенность в поликультурную среду, за соблюдение норм и правил социального поведения.

Показательно в этом смысле понимание М. Мерло-Понти процесса идентификации как самосознания себя и своего места в социуме, как осознания синхронности жизни человека одной страты с жизнью друго-

¹³ См.: Culture: Building Stone for Europe 2002: Reflections and Perspectives / Ed. L. Bekemans. Brussels, 2002.

го представителя этого же социального слоя, все большего расхождения между обыденным миром и ценностными суждениями людей другого уровня. В результате, «социальное пространство начинает поляризоваться, на свет выходит регион угнетенных. При каждом толчке, исходящем из какой-то точки социального пространства, сплоченность усиливается, невзирая на различие идеологий и профессий. Класс становится реальностью, а известно, что ситуация является “революционной”, когда единство, которое объективно связывает различные слои пролетариата (то есть в конечном счете то единство, которое могло бы открываться абсолютному наблюдателю), проживается в модальности восприятия какой-то общей для существования каждого слоя преграды»¹⁴. Таков сценарий, в общих чертах напоминающий произошедшие события последнего десятилетия, когда при несформированности национально-культурной идентичности, в том числе ее гражданской составляющей, завершилось разрушение этнокультурных кодов, а изменение стиля и образа жизни второго (и даже третьего) поколения мигрантов, частичная маргинализация произошли значительно быстрее, чем это можно было бы предположить.

Анализируя картину кризиса коллективной идентичности в разных странах, мы приходим к выводу, что становление идентификационных матриц было процессом, оставленным вне серьезного внимания со стороны общества и государства, в силу чего этот процесс пошел не по тем ценностным руслам, которые предположительно выстраивались в целевой перспективе культурных политик разных европейских стран. Несомненно одно: прошедшие события повлияли на репутацию культуры в стратегии устойчивого развития, где культура рассматривалась как один из основных ресурсов. В итоге, на основании не всегда научно и не всегда профессионально-экспертно обоснованных суждений, концепция мультикультурализма вновь подверглась жесточайшей критике. При этом заметим, позитивные практики и успешный опыт ее реализации в канадской модели, поддерживающей культурное разнообразие на протяжении длительного времени, продолжают игнорироваться.

Зададимся естественным для обсуждения дискуссионной проблемы вопросом: всегда ли результат сосуществования, заложенный в теоретической модели, будет однозначно позитивным в реальности? На каких принципах осуществляется взаимодействие людей в неинтегрированном обществе, если оно выражается в разных формах — открытой конкурен-

¹⁴ Мерло-Понти М. Феноменология восприятия: Пер. с фр. под ред. И.С. Вдовиной, С.П. Фокина. СПб., 1999. С. 561.

ции и столкновения, «скрытого» противостояния в рамках одного государства, компромисса и поиска баланса сил и интересов групп и сообществ? Общие принципы, несомненно, существуют, и они сохранились как базовая схема, закреплённая в канадской модели мультикультурализма, где ежегодно в открытых для всего общества официальных отчетах правительства о практической реализации Акта о мультикультурализме (1971) чиновники, ученые и эксперты оценивают достигнутый уровень толерантности и взаимопонимания в обществе, адекватность используемых мер и ресурсов для поддержания этнокультурной самобытности как иммигрантов, так и коренных народов для сохранения всего спектра культурного разнообразия, обсуждают существующие гарантии защиты индивидуальных прав иммигрантов и коллективных прав этнокультурных общин и объединений, выявляют новые проблемы и направления деятельности, такие как предотвращение расизма и разных форм неравенства. Тем самым формируются основания для коллективной идентичности.

Жизненность любой модели коренится в возможности ее адаптации к изменяющимся условиям. В вариативности и многообразии коммуникативных практик и моделей социального взаимодействия людей как носителей разных культурных традиций и религиозных ценностей выражается сложность реализации концепции мультикультурализма в настоящее время, что не может не учитываться в процессе конструирования коллективной идентичности.

В качестве оснований для разработки стратегий культурной политики в разных странах и в разные исторические периоды принимались следующие концептуальные идеи, определяющие тип мультикультурализма:

– «взращивание» и эксплуатация экзотических культур, приводящие к маргинализации социокультурного пространства, – «мультикультурализм бутика»;

– право различных культурных групп на сосуществование по принципу равенства со всеми остальными при нивелировании индивидуальных критериев свободы культурного разнообразия и коммерциализации системы взаимодействия между культурами – «неолиберальный» мультикультурализм;

– признание культурных различий с главной целью – недопущение насилия в сфере духовной репрезентации – «критический» мультикультурализм;

– субстанционализация политической подоплеки культурных проявлений общественного характера – «повстанческий» мультикультурализм;

– связь феномена культурного разнообразия с историей колонизации мира – «полицентричный» мультикультурализм;

– уменьшение или смягчение угроз межэтнических войн, внутриобщинного насилия и (или) государственного насилия по отношению к тем людям и сообществам, культурным меньшинствам, которые пытаются изменить или отречься от своей прежней культурной идентичности, – «мультикультурализм страха»;

– приоритет личной свободы культурного самоопределения над общественным при одновременном провозглашении свободы этнокультурной группы, где субъектная представленность размывается, – «либеральный» мультикультурализм;

– приоритет общества над индивидом, предпочтения при решении вопроса о культурном многообразии строятся исходя из приоритетов общества – «коммунитаристский» мультикультурализм¹⁵.

В таких модификациях концепция мультикультурализма распространилась по всему миру, а ее значение в связи с развитием глобализации значительно повысилось. Сегодня мультикультурализм выступает одним из центральных факторов, влияющих на потенциал межкультурного диалога в условиях территориальной мобильности населения России, наряду с признанием культурного разнообразия; необходимостью воспитания толерантности в обществе; формированием коллективной (гражданской) идентичности; развитием демократии и гражданского общества. Идеи мультикультурализма коррелируют модели культурной политики в условиях глобализации. Их доминантой становится коммуникативная природа социального взаимодействия и творческий потенциал культуры поведения.

Однако общественное сознание продолжает тревожить вопрос о реальных перспективах сохранения мирного сосуществования в едином пространстве людей, разделяющих разные культурные и религиозные ценности. Является ли парадигма мультикультурализма, естественно возникающая в условиях интенсификации миграционных процессов, только благим намерением высококультурных сообществ экспертов, ученых и политиков снять конфликтное напряжение в обществе? Насколько она подкреплена законодательно? Обеспечиваются ли права человека и гражданина, независимо от его этнокультурной и религиозной принадлежности в полном объеме, соответствующем современному цивилизационному уровню?

Построение многофакторных культурологических моделей, включающих адаптационные, идентификационные, коммуникативные составляющие, в страновой динамике связывается с решением масштабных задач, обусловленных интенсификацией миграционных потоков, концен-

¹⁵ См.: Токтосунова А.И. Этнoкультурная идентичность и диалог в условиях глобализации. Бишкек, 2007. С. 79.

трацией факторов социального напряжения в странах, принимающих базовые принципы свободного саморазвития культур в едином территориальном пространстве. Демократизация, с одной стороны, способствует культурному плюрализму – росту разнообразия и множественности форм проявления культуры, признанию многовариантности социокультурного развития. Однако с другой стороны, она обнажает существующие расхождения между декларациями равенства культур и возможностью признания ценностей одной культуры равными ценностям другой культуры. Все чаще при обсуждении проблемы культурного разнообразия в современном мире доминантой становится выявление *границ конвенционализма и универсализма* как объяснительных моделей взаимодействия в условиях глобализации, что актуализирует проблему «злоупотребления культурой», связанную с оборотной стороной культурной толерантности в условиях социального неравенства¹⁶. А на передний план обсуждения выносится проблема совершенствования практик внедрения мультикультурализма, поскольку и в теоретическом, и в массмедийном поле имеют место искажения его принципов. На наш взгляд, признание многообразия культур сохраняет свой статус важнейшего условия существования людей в мире, а наделение этого принципа нравственными коннотациями может усилить гуманистическую составляющую культурологического дискурса публичной политики.

Вывод 3. Нельзя исключать тот факт, что распространение мультикультурального подхода привело как к позитивным, так и к негативным результатам. Смысл противоречивых оценок заключается в ином: в отказе от пустого декларирования, в наличии (или отсутствии) реальных механизмов и возможностей у правительств поликультурных государств предоставлять каждому человеку *шанс преодолеть социальное и культурное неравенство, получить равные права для творческого саморазвития и самореализации*. Если таковые возможности, будь то социальная защита и материальная поддержка, доступ к культурным ценностям и информационным ресурсам, отсутствуют, то достижение позитивных результатов само по себе будет проблематичным.

Смена векторов культурной политики

В контексте несомненно имеющих место противоречий в понимании, трактовке и применении понятия мультикультурализма успешность культурной политики многих стран связывается с устойчивостью кол-

¹⁶ См.: *Barry, Brian. Culture and Equality: An Egalitarian Critique of Multiculturalism.* Cambridge, Massachusetts, 2002. P. 279-291; 324-325.

лективной идентичности¹⁷. Современная Россия реализует эту стратегию через механизмы действующих законодательных и нормативно-правовых актов, направленных на закрепление в обществе такой иерархии ценностей, в которой социальное равенство и личная свобода, ответственность, знания и профессионализм, стремление к успеху и материальному благосостоянию согласуются с традициями и исторически признанными ценностями культуры. То есть с ценностями справедливости и социальной заботы, доверия друг к другу и к социальному государству, каковым является Россия, с почитанием традиций отечественной культуры, основанных на принятии ценностей всех составляющих ее культур и религий. Таковы контуры идеальной модели, декларируемой властными структурами. Однако проведение стратегии, направленной на ее построение, требует серьезных усилий от всех субъектов культурной политики — правительственных и неправительственных организаций, общественных и религиозных объединений, в конечном счете, от каждого человека.

В условиях интенсификации глобализационных процессов обсуждение теоретических и практических основ культурной политики, позитивных практик адаптации и интеграции мигрантов в новую социокультурную среду приобретает еще большую актуальность, поскольку затрагивает национальные интересы России в области культуры, обеспечивающей основы коллективной идентичности. Слабо разработанными в концепции культурной политики остаются проблемы формирования русской национальной и российской гражданской идентичности. Сохраняется дискуссионность преодоления узкоэтнической нагрузки понятия «русский» и обоснования процесса национально-культурной идентификации по иным «параметрам», с учетом общероссийской цивилизационной и государственной, гражданской идентификации.

Не только этой проблематикой объясняется возрастание потребностей в организации *экспертных дискуссионных площадок* (как показателя зрелости гражданского общества). Их создание предполагает возможность: а) обращения к аналитическим материалам и на их основе оценку прогнозов отечественных и зарубежных исследователей, обобщающих опыт стран, столкнувшихся с социокультурными рисками последствий миграционных процессов значительно раньше России; б) повышения заинтересованности общества в государственной поддержке междисципли-

¹⁷ См.: Культура современной Испании: превратности обновления / Отв. ред. Н.С. Константинова. М., 2005; Косенко С. Политика культуры или культура политики: Опыт Франции. М., 2008; The Politics of Culture: Policy Perspectives for Individuals, Institutions and Communities / Ed. by Gugi Bradford, Michael Gary and Glenn Wallach. N.Y., 2000; и др.

линарных проектов, направленных на разработку методологических подходов к созданию альтернативных моделей культурной политики, в объективной оценке их эффективности с учетом смены информационно-коммуникативной матрицы социума, трансформирующей субстанционарные основы межкультурного взаимодействия людей.

На наш взгляд, переосмысление сущности и характера культурного развития, обращение к междисциплинарности как основе изучения трансформационных процессов и создания многофакторных культурологических моделей коллективной идентичности позволит показать потенциал динамической устойчивости поликультурной среды в контексте современных тенденций социальной и культурной динамики. Предлагаемый подход не замыкается только на поиске национальной модели культурной политики, а продвигается к признанию важности разработки базовых ценностно-смысловых оснований межкультурного взаимодействия, которые будут включены в альтернативные стратегии, открыто вступающие в конкуренцию за новую модель национально-культурной идентичности.

Актуализируются в этой связи и потребности в разработке нормативно-правовых и информационно-технологических механизмов, в обосновании концептуально оформленных подходов к решению проблем регулирования миграционных потоков и адаптации людей к условиям поликультурной среды, приобретающей новое качество по мере информатизации социокультурной реальности. В целом, развитие информационно-коммуникационных технологий оказало огромное влияние не только на формирование национальных культур. Их влияние стало еще заметнее при появлении транснациональных культурных пластов, становясь мощнейшим средством по созданию и передаче культурных паттернов и стилевых моделей, которые становятся частью повседневности¹⁸. Влияние СМИ на общественные процессы и состояние поликультурных обществ уже не может не учитываться при разработке концепций стратегического управления социокультурными процессами в современных условиях. Сегодня меняются основы идентификации в целом, зачастую они уже не отвечают традиционным принципам формирования идентичности, поэтому культурная политика в новых глобально-локальных условиях становится интегративной, основанной на взаимодействии правительства и гражданского общества. Этим обуславливается необходимость разработки новых форм поддержки лояльности и контроля над символами, образами и идеями, т.е. создания в обществе современной информаци-

¹⁸ См.: Caron A.H., Caronia L. *Moving Cultures: Mobile Communication in Everyday Life*. Monreal & Kingston-L., Ithaca, 2007.

онно-коммуникативной структуры для развития дискурсивных процессов, которые способствовали бы выражению национально-культурной идентичности в эпоху интенсивных транскультурных обменов и открытого информационного пространства.

Если, с одной стороны, государство сохраняет за собой «смыслополагающую» роль, то оно и берет на себя функцию заполнения символических полей, которые бы способствовали отождествлению человека со своим собственным государством. С другой стороны, если важнейшие сегменты социокультурного пространства отдаются политическим структурам и средствам массовой информации, то следует иметь в виду, что они и становятся поставщиками образцов, символов и идей, формирующих личные и коллективные идентичности. Парадоксальность неуправляемой ситуации заключается в одновременном проявлении информационного давления многообразной информации при вакууме гуманистических идей, когда в социум «вбрасывается» поток сообщений, включающий большое количество символов и достигающих астрономической величины комбинаций, но при всей высокой информативности, они, по сути, непередаваемы, поскольку требуется слишком много операций для выбора. Более того, подчиненность коммуникативного акта определенному коду, отражающему идеологический универсум, предполагает, что при каждом новом коммуникативном акте перестраивается и код¹⁹.

Поэтому координация культурной и информационной политики выступает сферой ответственности государства, в то время как деятельность правительства и общественная активность способны повлиять на состояние национально-культурной идентичности посредством всего комплекса институциональных структур, вступая в открытую конкуренцию за сферу духовной консолидации, сохранение и развитие государственности и поддержки необходимого общественного равновесия.

Культурологический дискурс пронизывает информационно-коммуникативную матрицу гражданского общества, которое может сложиться в России только в условиях новой социокультурной ситуации, когда будет возможно создание равных возможностей для участия всего населения страны в культурных проектах по преобразованию социальной среды, обеспечен доступ к культурным ценностям, созданы условия для активного участия во всех областях жизнедеятельности общества. Такой социокультурный контекст будет способствовать укреплению коллективных идентичностей с новой иерархией ценностей, где социальное равенство и личная свобода, ответственность, знания и профессионализм, стремление к успе-

¹⁹ См.: Эко У. Отсутствующая структура. Введение в семиологию. СПб., 2004. С. 56, 526 и др.

ху и материальному благосостоянию будут согласованы с традициями и исторически признанными ценностями культуры. То есть с ценностями справедливости и социальной заботы, доверия друг к другу и к государству, с почитанием традиций отечественной культуры, основанных на принятии ценностей всех составляющих ее культур и религий. Однако усиление социального и культурного неравенства в условиях глобализации характерно сегодня для многих стран²⁰, поэтому вопрос об эффективности культуры в сохранении национальной стабильности и безопасности, воспитании поколения на принципах уважения культурных традиций в поликультурной среде по своей важности приравнивается к социально-экономическим и геополитическим проблемам. Проблемы *сохранения целостности российской культуры* и формирования национально-культурной и гражданской идентичности становятся центральными в дискурсах власти.

Вывод 4. Расшатывание первоначально цельной конструкции многокультурности, вторжение социально-экономических дискурсов в сферу *культурного* привели к превращению мультикультурализма в один из утопических политических проектов. В этом варианте он и подвергается сегодня критике в разных странах. На наш взгляд, перспективы многокультурной реальности в России, где имеется позитивный опыт государственной жизни в условиях этнокультурного и конфессионального многообразия, а культурный плюрализм стал признаком современной социокультурной ситуации, не столь пессимистичны. Однако необходимо формирование дискуссионных площадок с привлечением к участию в обсуждении экспертов социально-гуманитарной сферы и политиков.

Создание комфортной поликультурной среды как условия для укрепления коллективной идентичности требует больших усилий не только государства, но и всего общества.

Таким образом, ощущение относительной стабильности коллективной идентичности в контексте изменяющейся социокультурной реальности, даже несмотря на сотрясающие мир кризисы, создается тем, что внутренние фундаментальные трансформации, переживаемые людьми, суть динамического равновесия индивидуального и социального, образующего единственно возможную модель существования людей в мире. Изменяемость привычных, ранее освоенных форм совместного бытия выступает характеристикой развития на принципах симметрии. Этим

²⁰ См.: Analyzing Inequality: Life Chances and Social Mobility in Comparative Perspective / Ed. by S. Svallford. Stanford, California, 2005.

принципом утверждается необходимость возвращения к исходным основаниям коллективной идентификации в результате обнаружения все новых и новых смысловых оттенков, которые закрепляются в виде групп и подгрупп идентификационных признаков. Осознание этой закономерности (незавершенность, когда можно еще что-либо присоединить, изменить), проецируемое на идентификационные модели сложностного мира, подтверждает идею о распространении множественной идентичности как в ее личностном, так и в коллективном измерении. Фундаментальные исследования данного феномена как порождение многомерного мышления современного человека – перспективное направление в социально-гуманитарном знании.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Астафьева О.Н.* Реструктуризация и демаркация коллективных идентичностей в условиях глобализации: будущее национально-культурной идентичности // Вопросы социальной теории. Научный альманах. 2010. Том IV. Человек в поисках идентичности / Под ред. Ю.И. Резника и М.В. Глостановой. М., 2010. С. 255-281.
2. *Кнабе Г.С.* Жажда тождества: Культурно-антропологическая идентификация. Вчера. Сегодня. Завтра. М., 2003.
3. *Косенко С.* Политика культуры или культура политики: Опыт Франции. М., 2008.
4. *Культура современной Испании: превратности обновления / Отв. ред. Н.С. Константинова.* М., 2005.
5. *Мерло-Понти М.* Феноменология восприятия: Пер. с фр. под ред. И.С. Вдовиной, С.П. Фокина. СПб., 1999.
6. *Миньоло В.* Космополитический локализм и деколониальный выбор (часть 2): Пер. М.В. Глостановой // Личность. Культура. Общество. 2011. Т. XIII. Вып. 2 (63-64).
7. *Глостанова М.В.* Транскультурная и трансмодерная эстетика/эстетизм и освобождение знания и бытия (часть 1) // Личность. Культура. Общество. 2011. Т. XIII. Вып. 2 (63-64).
8. *Токтосунова А.И.* Этнокультурная идентичность и диалог в условиях глобализации. Бишкек, 2007.
9. *Уткин А.И.* Глобализация: процесс осмысления. М., 2001.
10. *Эко У.* Отсутствующая структура. Введение в семиологию. СПб., 2004.
11. *A Globalizing World? Culture, Economics, Politics / Ed. by D.Held.* L., N.Y., 2004.
13. *Analyzing Inequality: Life Chances and Social Mobility in Comparative Perspective / Ed. by S. Swallford.* Stanford, California, 2005.
13. *Barry, Brian.* Culture and Equality: An Egalitarian Critique of Multiculturalism. Cambridge, Massachusetts, 2002.
14. *Caron A.H., Caronia L.* Moving Cultures: Mobile Communication in Everyday Life. Monreal & Kingston-L., Ithaca, 2007.
15. *Cultural theory: The Key Concepts / Ed. by A.Edgar and P.Sedgwick.* L., N.-Y., 2003.
16. *Culture: Building Stone for Europe 2002: Reflections and Perspectives / Ed. L. Bekemans.* Brussels, 2002.
17. *Gray J.* False Dawn: The Delusions of Global Capitalism. L., 1998.
- Singer P. *One World: The Ethics of Globalization.* 2-nd Editon. Yale University Press, New Haven, 2004.
18. *The Politics of Culture: Policy Perspectives for Individuals, Institutions and Communities / Ed. by Gugi Bradford, Michael Gary and Glenn Wallach.* N.Y., 2000.